

ИСТОЧНИКОВЕДИЕ

УДК / UDC 903.222

DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-547-562

Портрет хэшо Го-цинъвана Юньли как источник по вооружению и конскому снаряжению ойратов и их соседей первой половины XVIII в.

Леонид Александрович Бобров¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бобров Л. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается портрет маньчжурского аристократа хэшо Го-цинъвана Юньли (1697–1738) — младшего брата цинского императора Юнчжэна и дяди императора Цяньлуна. *Цель* исследования — выявить и изучить предметы вооружения и снаряжения центральноазиатского образца на указанном портрете. *Результаты.* Установлено, что портрет Юньли был написан знаменитым европейским художником-миссионером Дж. Кастильоне в 1735 г., вскоре после возвращения Юньли из поездки к Далай-ламе, которая состоялось зимой-весной того же года. Комплексный анализ источников показал, что хэшо го-цинъван сочетает цинскую одежду с деталями снаряжения центральноазиатского образца. К числу таких предметов можно отнести колчан так называемого «ойратского типа», седло «ойратского образца» (*элэтэ ши маань*), и, возможно, некоторые другие элементы конского убранства. Не исключено, что данные предметы были переданы в дар Юньли представителями ойратской (хошутской) или тибетской знати во время его визита к Далай-ламе в 1735 г. В связи с тем, что рассматриваемый портрет надежно датирован, он может привлекаться для атрибуции и датировки аналогичных или близких по оформлению колчанов и седел ойратов и тибетцев, хранящихся в отечественных и зарубежных музейных и частных собраниях. *Выводы.* Материалы цинской иконографии в настоящее время недостаточно активно привлекаются для изучения ойратского культурного наследия. Всесторонний анализ цинских изобразительных источников может сыграть важную роль в изучении вооружения, снаряжения, костюма, военной символики и военного дела ойратов и их соседей конца XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: цинская живопись, сино-европейский стиль, хэшо Го-цинъван Юньли, ойраты, джунгары, хошуты, ойраты в цинском изобразительном искусстве, ойратский колчан, ойратское седло

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной

истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Автор выражает благодарность А. М. Пастухову за переводы текстов на китайском языке, а также ценные консультации.

Для цитирования: Бобров Л. А. Портрет хэшо Го-цинвана Юньли как источник по вооружению и конскому снаряжению ойратов и их соседей первой половины XVIII в. // Монголоведение. 2024. Т. 16. № 3. С. 547–562. DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-547-562

The Portrait of heshuo Guo-qinwang Yunli as the Source for Weapons and Horse Equipment of Oirats and their Neighbors in the first half of the 18th Century

Leonid A. Bobrov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, I. K. Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

 Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bobrov L. A., 2024

Abstract. *Introduction.* The article deals with the portrait of Manchu aristocrat *heshuo Guo-qinwang Yunli* (1697–1738) — the younger brother of Qing Yongzheng emperor and the uncle of Qianlong emperor. *Purpose of the research* is to find and study the pieces of weapons and equipment of the Central Asian style in the aforementioned portrait. *Results.* It is determined that the portrait of Yunli was painted by the famous European artist and missionary G. Castiglione in the summer of 1735, not long after the return of Yunli from the travel to Dalai Lama which took place in the winter-spring of the same year. The comprehensive analysis of the sources showed that the *heshuo Guo-qinwang* combines Qing clothing with parts of equipment of the Central Asian type. These items include a quiver of the so-called “Oirat type”, a saddle of the “Oirat type” (*elete shi ma’an*), and possibly some other elements of horse equipment. It is possible that these items were donated to Yunli by representatives of the Oirat (Khoshut) or Tibetan nobility during his visit to the Dalai Lama in 1735. As the portrait has the exact date, it can be used for the attribution and dating of quivers and saddles of the Oirats and Tibetans, similar in design, which are kept in Russian and foreign museum and private collections. *Conclusions.* Materials of Qing iconography are currently not being actively used to study the Oirat cultural heritage. A comprehensive study of Qing pictorial sources can play an important role in the study of weapons, equipment, costume, military symbols and military affairs of the Oirats and their neighbors of the late 17th–18th centuries.

Keywords: Qing paintings, Sino-European style, *heshuo Guo-qinwang Yunli*, Oirats, Dzhungars, Khoshouts, Oirats in the Qing paintings, Oirat quiver, Oirat saddle.

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”. The author expresses gratitude to A. M. Pastukhov for translations of texts in Chinese, as well as valuable consultations.

For citation: Bobrov L. A., Pastukhov A. M. The Portrait of Heshuo Guo-Qinwang Yunli as the Source for Weapons and Horse Equipment of Oirats and their Neighbors in the first Half of the 18th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2024. 16 (3): 547–562. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2024-3-547-562

1. Введение

Всестороннее изучение материально-культурного наследия ойратов позднего Средневековья и Нового времени возможно на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников. Наибольший интерес исследователей традиционно вызывают сообщения российских и европейских авторов. Кроме того, в последние десятилетия в научный оборот были введены сотни подлинных образцов защитного и наступательного вооружения волжских и «чакарских» (западносибирских) калмыков, джунгар, хошутов Кукунорской равнины [Бобров, Худяков 2008; Бобров 2013; Бобров, Ожередов 2013; Бобров, Ожередов 2021; Бобров, Балюнов 2022; Бобров и др. 2022; Бобров, Балюнов 2023; Бобров и др. 2023]. Вместе с тем ценные сведения по костюму, вооружению, военной символике и конскому снаряжению ойратов содержатся в цинских изобразительных и письменных источниках последней трети XVII–XVIII вв. Введение данных материалов в научный оборот является весьма актуальной научной задачей.

В настоящей работе объектом научного исследования является портрет хэшо Го-циньвана Юньли (рис. 1). Несмотря на то, что он был неоднократно опубликован в различных китайских изданиях, данный портрет ранее не рассматривался в качестве изобразительного источника по вооружению и снаряжению центральноазиатского образца.

Цель данной статьи — выявить и изучить предметы вооружения и снаряжения центральноазиатского образца на портрете маньчжурского аристократа хэшо Го-циньвана Юньли, написанном Дж. Кастильоне в 1735 г.

Рис. 1. Портрет хэшо Го-циньвана Юньли, Дж. Кастильоне. 1735 г. Собрание музеев Гугун, г. Пекин

[Fig. 1. The portrait of heshuo Guo-qinwang Yunli. G. Castiglione, 1735. Gugong Museum, Beijing]

2. Материалы и методы

Для определения достоверности изображения предметов материальной культуры на средневековых картинах, рисунках, книжных гравюрах, свитках и т. д. традиционно применяется комплексный подход, в рамках которого изображения сопоставляются с подлинными предметами, а также с их описаниями в синхронных письменных источниках.

Как показали специальные исследования, наибольшей достоверностью в передаче деталей костюма и вооружения в цинском изобразительном искусстве XVIII в. отличаются портреты, выполненные с натуры придворными художниками из числа европейцев-миссионеров. Сравнительный анализ подлинной одежды и доспехов императора Цяньлуна¹ с их изображениями на картинах Дж. Кастильоне показал, что последние выполнены с поразительной, практически «фотографической» точностью. Высокой степенью достоверности отличаются также ростовые, конные и погрудные портреты цинских сановников и офицеров, написанные европейскими мастерами и их китайскими помощниками по результатам военных кампаний 1755–1759 гг. Наряду с маньчжурами, монголами и китайцами на данных портретах запечатлены ойраты и мусульмане, перешедшие на сторону Цинов и сыгравшие важную роль в присоединении Джунгарии и Восточного Туркестана к империи.

Для изучения костюма ойратов и их соседей большое значение имеют также материалы «Хуан Цин чжигун ту» (皇清職貢圖, «Картины подношения дани Августейшей Цин»), на которых запечатлены представители различных социальных слоев джунгар, калмыков и мусульман Восточного Туркестана.

Несколько менее информативны (для изучения центральноазиатского костюма) многофигурные батальные картины, рисунки и гравюры цикла «Дэшэн ту» (得勝圖, «Картины одержанных побед»), а также иные произведения, изображающие боевые столкновения цинских войск с народами Центральной Азии: «Сичжэн ту» (征西圖, «Карательный поход на Запад»), «Пиндин Уши чжаньту» (平定烏什戰圖, «Усмирение Уч-Турфана») и др. Однако, уступая портретам и ростовым изображениям в детализации, они в то же время содержат уникальные сведения по оружию, доспехам, знаменам и тактике ойратов рассматриваемого периода.

3. Ойраты и их соседи в изобразительном искусстве Цинского Китая конца XVII–XVIII вв.

Повышенный интерес цинских властей к джунгарам и тюркским народам Центральной Азии был обусловлен особенностями региональной политической ситуации. В 1690 г. начинается серия джунгаро-цинских войн, которые продолжались (с перерывами) вплоть до гибели последней кочевой империи во второй половине 50-х гг. XVIII в. Завоевание Джунгарии и Восточного Туркестана в 1755–1760 гг. стало для маньчжурской династии событием огромной государ-

¹ Личным именем монарха было Хунли (25.09.1711–07.02.1799). Однако личное имя «Сына Неба» в Китае табуировалось. В отечественной синологической литературе сложилась традиция именовать императоров маньчжурской династии по девизам их правления. По данной причине в современных российских научных исследованиях применительно к интересующему нас правителю Поднебесной обычно указывается не его настоящее имя, а девиз правления — Цяньлун (乾隆, букв. ‘непоколебимое и славное’, 1735–1796).

ственной важности: в состав Срединного государства впервые за полстолетия включались столь обширные и малоизвестные земли, еще недавно населенные враждебными племенами ойратов. Вступление в «джунгарское наследство» требовало тщательного и всестороннего изучения вновь приобретенных территорий [Бобров, Пастухов 2021а: 507].

Наряду со сведениями по географии, истории, экономике региона власти империи проявили определенное внимание к материальной культуре своих недавних противников. По данной причине в текст фундаментального труда «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» (欽定皇輿西域圖志, «Высочайше утвержденное описание Западного края с картами») были включены разделы по вооружению, военной символике и костюму ойратов Джунгарии и мусульман Восточного Туркестана [Бобров, Пастухов 2021а; Бобров, Пастухов 2021б; Бобров, Пастухов 2021в].

Параллельно с созданием сводных письменных источников по инициативе императора Цяньлуна была начата масштабная работа по визуальному увековечиванию событий покорения Джунгарии и Восточного Туркестана. В рамках данного процесса были созданы несколько десятков поли- и монохромных произведений (картин, рисунков, свитков, портретов, гравюр), на которых, помимо собственно цинских сановников и военных, были запечатлены и их центральноазиатские союзники и противники.

В ходе специального исследования, проведенного автором настоящей статьи совместно с известным российским синологом А. М. Пастуховым, было установлено, что в цинском изобразительном искусстве XVIII в. зафиксированы образы нескольких сотен джунгар и мусульман. Наибольший интерес представляют такие произведения, как «Хуан Цин чжигун ту» (皇清職貢圖, «Картины подношения дани Августейшей Цин»), «Ваньшуюань цыань ту» (萬樹園賜宴圖, «Жалованный пир в саду Ваньшуюань»), «Цяньлун юэ Ба Ци машу ту» (乾隆閱八旗馬術圖, «Цяньлун наблюдает джигитовку [воинов] Восьми Знамен»), картины, рисунки, свитки и гравюры цикла «Дэшэн ту» (得勝圖, «Картины одержанных побед»), малые свитки и большие (ростовые, погрудные и конные) портреты ойратов и мусульман для Цзыгуангэ (紫光閣, «Павильон пурпурного блеска»), серия картин «Ваньго лайчао ту» (萬國來朝圖, «Десять тысяч владений прибыли ко двору»), полотно «Пиндин Уши чжаньту» (平定烏什戰圖, «Усмирение Уч-Турфана») и др.

Высокая художественная и научная ценность данных материалов обусловлена, помимо прочего, тем фактом, что в середине XVIII в. цинское изобразительное искусство переживало пик своего развития. При императорском дворе трудились выдающиеся художники из числа европейских живописцев-миссионеров: Джузеппе Кастильоне (Giuseppe Castiglione, 19.07.1688–17.07.1766), Жан-Дени Аттире (Jean-Denis Attiret, 31.07.1702–08.12.1768), Игнац Зихельбарт (Ignatius Sichelbarth, 26.09.1708–06.10.1780), Джованни Дамасцено Саллюстий (Giovanni Damasceno Sallusti, 26.12.1727–24.09.1781)¹. В Цинском Китае их называли «четверкой европейских художников» (сы ян хуацзя) и считали создателями нового стиля в живописи. В научной литературе этот стиль получил условное наименование сино-европейского.

¹ Прибыв в Китай, Дж. Кастильоне, Ж.-Д. Аттире, И. Зихельбарт и Д. Д. Саллюстий приняли китайские имена: Лан Шинин (郎世寧), Ван Чжичэн (王致誠), Ай Цимэн (艾啓蒙) и Ань Дэи (安德義) соответственно.

Пик творческой активности европейских художников-миссионеров пришелся на 40–60-е гг. XVIII вв. После смерти Дж. Кастильоне (1766) и Ж.-Д. Аттире (1768) их коллеги — И. Зихельбарт и Д. Д. Саллюстий — стали все больше времени уделять миссионерской деятельности, а их роль как придворных живописцев постепенно сошла на нет. Тем не менее синтез западных и китайских художественных традиций оказался настолько успешным, что еще несколько десятилетий продолжал оставаться образцом для подражания для новых поколений цинских придворных художников¹. Яркий и самобытный сино-европейский стиль по праву вошел в сокровищницу мирового изобразительного искусства.

Как уже отмечалось выше, одной из важных особенностей работ придворных живописцев середины XVIII в., работавших в рамках сино-европейского стиля, являлась высокая степень достоверности в передаче деталей костюма, вооружения и снаряжения изображаемых персонажей. В первую очередь это относится к портретам, многие из которых были выполнены с натуры. При этом, как мы убедимся ниже, известный интерес для темы нашего исследования представляют не только изображения самих ойратов, но и портреты представителей маньчжурской аристократии Цинской империи.

4. Хэшо Го-цинъван Юньли. Штрихи к биографии

Хэшо Го-цинъван Юньли (允禮, 1697–1738) являлся 17-м сыном императора Сюань (период правления Канси, 1661–1722), младшим братом цинского императора Иньчжэня (период правления Юнчжэн, 1722–1735) и дядей императора Хунли (период правления Цяньлун, 1735–1796). Первоначально он был наречен Иньли (胤禮), но после воцарения императора Иньчжэня сменил имя на Юньли².

Матерью принца была Цинь-фэй (?–1754), наложница императора Сюань китайского происхождения, для повышения статуса причисленная к маньчжурскому «Желтому знамени с каймой». В детстве Иньли преуспевал в учебе, а позднее был известен как знаток буддийского учения, китайского искусства, поэт, живописец и каллиграф. Кроме маньчжурского и китайского, принц владел монгольским и тибетским языками. В обширной библиотеке принца хранились также книги на ойратском «ясном письме» — *тодо бичиг*, привезенные в Пекин в виде дара или военного трофея [[Успенский 2011: 200, 202, 208, 210, 221, 222](#)].

¹ Последними живописцами из Общества Иисуса, работавшими в Китае, были итальянец Джузеппе Панци (Giuseppe Panzi, 1734 – до 1812), получивший китайское имя Пань Тинчжан (潘廷章), Луи-Антуан де Пуаро (Louis-Antoine de Poirot, 1735–1813), носивший китайское имя Хэ Цинтай (賀清泰). После смерти этих последних европейских представителей сино-европейской школы живописи ее традиции в Китае сохранили лишь собственно цинские (китайские и маньчжурские) живописцы. Наиболее выдающимся представителем данной школы в этот период был Цинкуань. По заказу императора Гуансюя (1874–1908) им была создана обширная серия батальных полотен, посвященных подавлению многочисленных восстаний, охвативших Китай во второй половине XIX в.

² В имени Иньли (胤禮) присутствует иероглиф *инь* (胤), как и в личном имени императора Юнчжэна — Иньчжэнь (胤禛), что указывает на то, что носители имени являются братьями. Согласно традиции табуирования личного имени императора после его восшествия на престол, все иероглифы, входящие в его имя, табуировались, заменяясь в письменной речи синонимичными знаками. Братья императора по этой же причине меняли имена на звучащие схожим образом, но имеющим другой иероглифический состав.

С самого раннего возраста принц принимал участие в дальних путешествиях. Согласно «Цин ши гао», восьмилетний Инъли «в 44-м году Канси (1705) последовал за государем в Монголию¹. С этого времени постоянно сопровождал [государя]» [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 220]². За свою недолгую жизнь Юньли объездил многие провинции Поднебесной.

В ходе борьбы сыновей Канси за престол Юньли вовремя примкнул к фракции принца Инъчжэня, который в 1723 г. стал императором Юнчжэном [Успенский 2011: 199]. Не удивительно, что Юньли сделал при новом монархе неплохую придворную карьеру³.

Важным событием в жизни Юньли стала встреча с Далай-ламой⁴. Путешествие в монастырь Галдангон (пров. Сычуань), где проживал Далай-лама, заняло более двух месяцев. Только 16 января 1735 г. Юньли встретился с Далай-ламой и объявил ему императорский указ, а через два месяца отправился в обратный путь. По всей видимости, между принцем и буддийским иерархом установились хорошие личные отношения. Далай-лама неоднократно отправлял Юньли письма и подарки [Успенский 2011: 202–207].

По прибытию в столицу принц занялся вопросами так называемого «мяоского рубежа» (Маоцзянь)⁵, а затем возглавил Ведомство наказаний (Синбу). Юньли пользовался высоким доверием как императора Юнчжэна, так и его сына и приемника императора Цяньлуна. Он не только получал двойной оклад циньвана (принца крови «первой степени»), но и, в знак особой милости, был освобожден от земных поклонов перед правителем Поднебесной. Придворные откровенно побаивались молодого, но весьма сурового принца. По двору ходили слухи о его жесткости и даже жестокости, что даже побудило императора объявить сановникам о благодеяниях Юньли, в числе которых была отмена дополнительных налогов в южных провинциях Китая. Согласно завещанию Юнчжэна, принц должен был «помогать» молодому наследнику в управлении государством. Однако Го-циньвана подвело слабое здоровье. Во 2 день 2-го месяца 3-го года Цяньлун (21 марта 1738 г.) Юньли скончался [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 62, л. 2а]. Потрясенный император Цяньлун лично

¹ Букв. «за линию укреплений».

² Все переводы с китайского языка в настоящей статье выполнены А. М. Пастуховым.

³ «В начальный год Юнчжэн (1723. — А. П.) был пожалован титулом *Го-цзюньван*, [назначен] заведовать делами *Лифаньюань* („Палата Внешних Сношений“ — А. П.). В 3-м году (1725 г. — А. П.) указ гласил: „Го-цзюньван“ [Юньли. — Л. Б.] искренне служит державе, придерживается строгих правил, справедливый и неподкупный. Следует пожаловать его окладом циньвана и покровительствовать ему, поместив выше Шуньчэн-цзюньвана по ранжиру». В 6-м году (1728 г. — А. П.) [Юньли. — Л. Б.] повышен до циньвана. В 7-м году (1729 г. — А. П.) указом был назначен возглавить Ведомство работ (Гунбу). В 8-м году (1729 г. — А. П.) указом был назначен возглавить Три кладовые Подворного ведомства (Хубу сань ку — три придворных хранилища, в которых хранили серебро, парчу и краски, выполняло роль Министерства финансов, отвечая за сбор налогов и финансирование госбюджета). В 11-м году (1733 г. — А. П.) назначен на должность министра по делам правящего дома (цзунлин) и руководителем Подворного Ведомства» [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 220].

⁴ «В 12-м году (1734) [он] получил приказ отправиться в Тайнин сопровождать Далай-ламу на обратном пути в Тибет, а по пути проинспектировать все гарнизоны [Восьми Знамен] и Зеленого Знамени» [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 220].

⁵ Рубеж с племенами мяо и яо, проходивший по территориям провинций Сычуань, Хунань, Гуйчжоу, Гуанси и Юньнань.

прибыл на его похороны. Несмотря на то, что принц умер в достаточно молодом возрасте, он оставил заметный след в истории Цинской империи первой половины XVIII в.¹

5. Портрет Юньли

Комплексный анализ источников позволяет уточнить примерное время написания конного портрета хэшо Го-цинъвана Юньли. Как уже отмечалось выше, встреча принца с Далай-ламой состоялась 16 января 1735 г. В обратный путь Юньли отправился через два месяца, т. е., вероятно, в середине марта того же года. Стихотворение, собственноручно начертанное принцем на полотне (рис. 1), датируется 6-м месяцем года *имао* правления Юнчжэн, что соответствует 20 июля – 17 августа 1735 г. К этому времени портрет был уже готов. Таким образом, есть основания полагать, что он был написан вскоре после возвращения принца из поездки в Тибет, в ходе которой он сопровождал Далай-ламу и проводил инспекцию цинских войск, т. е. весной-летом 1735 г. Наиболее вероятно, что Дж. Кастильоне завершил работу над портретом не позднее июля – первой половины августа 1735 г. В настоящее время рассматриваемое полотно экспонируется в собрании музеев Гугун в г. Пекин (Китайская Народная Республика).

На портрете Юньли изображен в теплой одежде, предназначенной для ношения в холодное время года (рис. 2)². На голове принца — меховая шапка *дун*

¹ «В 13-м году (1735 г. — *А. П.*), вернувшись в столицу, [Юньли. — *Л. Б.*] получил приказ ведать делами на мяском рубеже (Мяоцзян). Когда болезнь Шицзуна (храмовое имя императора Юнчжэна) обострилась, получил посмертный указ (гуйчжао) помогать [наследнику. — *Л. Б.*] в управлении государством. Когда на престол вззошел Гаоцзун (храмовое имя императора Цяньлуна. — *А. П.*), [Юньли. — *Л. Б.*] получил приказ ведать административными делами, освобожден от [должности. — *Л. Б.*] цзунлин, назначен управлять Ведомством Наказаний (Синбу). В скором времени получил двойной оклад цинъвана, был освобожден от земных поклонов при аудиенции у императора. В тайном докладе [на имя императора. — *Л. Б.*] просил отменить со всех провинций к югу от Янцзы недоимки по надбавкам к налогу натурой, сбор камыша, сбор в пользу учебных заведений и дополнительные налоги. Последовало высочайшее согласие. Указ гласил: „Го-цинъван [Юньли. — *Л. Б.*] по своим природным качествам честный и прямой, пользовался доверием Нашего покойного отца. Люди извне (т. е. Сановники, не связанные с правящим домом Айсинь Гиоро. — *Л. Б.*) сильно подозревают его в жестокости, [поэтому. — *Л. Б.*] повелеваем обнародовать тайные доклады, из которых следует, что он по натуре своей великодушен и щедр, особенно объявить это девяти *цинам*“ (Девять *цинов* — три наставника наследника престола и шесть начальников ведомств. — *Л. Б.*). Юньли был физически слаб, и государь повелел ему вести дела, пребывая в своей столичной резиденции, а на дежурство во дворце выходить раз в несколько дней. В начальный год Цяньлун (1736 г. — *А. П.*), [Юньли. — *Л. Б.*] был лишен двойного оклада, поскольку вел дела из дома. В начальном месяце 3-го года [Цяньлун. — *Л. Б.*] (1738 г. — *А. П.*) его болезнь обострилась, послали *Хэ-цинъвана* Хунчжоу навестить его. Во 2-м месяце (20 марта – 18 апреля 1738 г. — *А. П.*) [Юньли. — *Л. Б.*] скончался. Государь был потрясен и в тот же день лично прибыл на его похороны. Был пожалован посмертным титулом. Не имел детей. Чжуан-цинъван Юньлу (1695–1767) и прочие просили, чтобы шестой сын Шицзуна Хунъянь (1733–1765) унаследовал ему» [Чжао Эрсюнь 1927: цз. 220].

² Это, помимо прочего, может свидетельствовать в пользу того, что портрет (или эскиз к нему) был выполнен еще весной 1735 г. Однако необходимо учитывать, что подобная меховая одежда могла носиться также при похолоданиях, сильной ветреной погоде, поездках в высокогорные и степные районы и т. д. Как уже отмечалось выше, Юньли не обладал богатырским здоровьем, поэтому ношение им мехового костюма

Рис. 2. Фрагмент портрета хэшо Го-цинъвана Юньли, Дж. Кастильоне. 1735 г. Собрание музеев Гугун, г. Пекин
 [Fig. 2. Detail of the portrait of *heshuo Guo-qinwang Yunli*. G. Castiglione, 1735. Gugong Museum, Beijing]

цзифугуань с красной кистью-хуньин. Халат с длинными, снабженными копытообразными обшлагами рукавами и пристежной правой полрой, подбит мехом. Лицевая сторона халата украшена флоральным орнаментом. Поверх халата Юньли носит темно-синюю куртку на меху. Последняя снабжена сплошным осевым разрезом, рукавами до локтя и меховым воротником. Грудь и рукава куртки украшены изображениями драконов в круглых «медальонах», указывающих на высокий ранг принца. На ногах цинского аристократа — традицион-

даже в теплое время года не представляется чем-то невероятным.

ные маньчжурские войлочные сапоги *цзаосюэ* на высокой стеганой матерчатой подошве белого цвета.

Особый интерес для настоящего исследования представляет колчан Юньли (рис. 3, 1). По своему покрою и оформлению он разительно отличается от традиционных разновидностей цинских колчанов XVIII в. [Бобров, Худяков 2008: 124, 125, 155; Armaments... 2008: 29, 30, 92–98].

Колчан Юньли имеет асимметрично-трапецевидную форму и высокую заостренную спинку. Верхнее «ушко» колчана вынесено далеко вперед. Крепежные пластины изображены в виде округлых желтых (позолоченных?) блях. Лицевая сторона колчана дополнена карманом. Полукруглый вырез снабжен по центру остроугольным фестом, благодаря чему верхний край кармана имеет Э-образную форму. Чтобы помещенные в карман стрелы и иные предметы не выпадали из него, колчан дополнен парой перекрещивающихся кожаных ремней. В месте их наложения приклепана специальная бляха, надежно соединяющая ремни между собой. На тыльной стороне колчана (со стороны спинки) хорошо заметен дополнительный вертикальный карман, в который вставлены две стрелы с черно-серым оперением. Лицевая сторона колчана окрашена в светло-зеленый цвет и покрыта растительным орнаментом. Основу композиции в нижней части колчана формирует образ закрученного в спираль цветочного побега в картуше подпрямоугольной формы. По периметру поля колчана, а также по краю Э-образного кармана пропущена желтая орнаментированная полоса (рис. 3, 1).

Исследование собранных материалов позволило сделать вывод, что изучаемый элемент саадачного набора относится к особой разновидности центрально-азиатских колчанов, известных как «колчаны ойратского типа» [Бобров, Балюнов, 2023; Бобров и др. 2023]. По сравнению со своими монгольскими аналогами «колчаны ойратского типа» отличаются высокой заостренной спинкой, вынесенным далеко вперед верхним «ушком» и ярко выраженным Э-образным карманом. Весьма своеобразно и их декоративное оформление. Лицевая сторона колчанов «ойратского типа» (в отличие от халхаских и чахарских и южносибирских образцов) не имела металлических накладок (за исключением ременных блях и заклепок по периметру), но достаточно часто украшалась растительным или растительно-геометрическим орнаментом (рис. 3, 2–7)¹.

Одним из ближайших аналогов колчана Юньли является колчан из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (далее — ТИАМЗ) (рис. 3: 2). Ранее он предположительно входил в состав арсенала знатных тобольских служилых татар Кульмаметьевых и был передан в музейное собрание вместе с другими ойратскими предметами вооружения (шлемами, налучем, стрелами и др.). К татарам Западной Сибири данный колчан мог попасть в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея [Бобров, Балюнов 2022: 231–243; Бобров, Балюнов 2023: 806].

¹ Колчаны рассматриваемого образца датируются XVII – серединой XVIII вв. и происходят с территории Юго-Восточного Казахстана, южных районов Западной и Центральной Сибири, а также Тибета. Все перечисленные регионы на протяжении указанного периода либо входили в состав ойратских государственных образований, либо являлись объектом военно-политической экспансии ойратов (джунгар, хошуты Кукунора, «чакарских» калмыков). Это и позволило с некоторой долей условности обозначить их как «колчаны ойратского типа» [Бобров, Балюнов 2023: 799, 800; Бобров и др. 2023: 128–134].

Рис. 3. Колчан на портрете хэшо Го-цинъвана Юньли и его центральноазиатские аналоги: 1 — колчан на портрете; 2–7 — колчаны «ойратского типа» из Южной Сибири (2), Тибета (4–7); Цзиньчуани (8), из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (2а и 2б), Метрополитен-музея (4), Национального музея Шотландии, (5) и частных коллекций

[Fig. 3. The quiver from the portrait of heshuo Guo-qinwang Yunli and its analogues from Central Asia: 1 — the quiver from the portrait; 2–7 — quivers of “Oirat type” from South Siberia (2), Tibet (4–7); Jinchuan (8); from TIAMZ (2); from The Metropolitan Museum of Art (4); NKM (5) and private collections]

Колчан из ТИАМЗ снабжен высокой заостренной спинкой, парой перекрещивающихся ремней, позолоченными крепежными пластинами (рис. 3, 2а). Золотистая полоса по периметру и по краю кармана, как и на колчане Юньли, украшена орнаментом. Основу композиции формирует закрученный в спираль цветочный побег. На тыльной стороне колчана, как и у его аналога на картине Дж. Кастильоне, расположен узкий вертикальный карман (рис. 3: 2б).

Схожие по конструкции и оформлению колчаны происходят с территории Тибета (рис. 3, 3–7). На некоторых из них флоральный орнамент на поверхности кармана, как и на колчане Юньли, вписан в характерный «картуш» подпрямоугольной формы (рис. 3: 3–5).

Каким образом маньчжурский принц оказался обладателем колчана «ойратского типа»? Однозначного ответа на данный вопрос в настоящее время нет. Возможно, это каприз благородного вельможи¹. Но не исключено, что интересующий нас колчан был изготовлен тибетскими или ойратскими (хошутскими) мастерами и приобретен или подарен Юньли во время его поездки в «Страну снегов» в 1734–1735 гг.² В пользу данной версии косвенно свидетельствует тот факт, что портрет был написан вскоре после возвращения принца из Тибета — в 1735 г. Так или иначе, но на портрете Юньли фиксируется одно из самых подробных и реалистичных изображений колчанов «ойратского типа».

Известный интерес представляет также снаряжение верхового коня Юньли (рис. 2; 4: 1). Не исключено, что оно также выполнено по центральноазиатским (ойратским или тибетским) образцам. Широкая и массивная передняя лука седла характерной овально-подтрапецевидной формы целиком укрыта позолоченными металлическими пластинами, украшенными густым прорезным (?) орнаментом. Оформление седла заметно отличается от традиционных цинских аналогов, но практически в точности соответствует седлу «ойратского образца» (элэтэ ши маань), которое было поднесено императору Цяньлуну в 1743 г. (рис. 4: 2). Второе седло схожей конструкции было поднесено тому же монарху от имени тибетского Панчен-ламы 25 июля 1780 г. (рис. 4: 4)³.

Наиболее близкие аналоги данных седел происходят с территории Тибета и датируются XVI–XIX вв. (рис. 4, 3, 5, 6)⁴. Декоративное оформление таких седел восходит к имперско-чингизидской традиции Монгольского времени. По всей видимости, подобные седла были весьма популярны среди ойратской (хошутской и, возможно, джунгарской) знати, что и позволило цинским чиновникам обозначить их как седла «ойратского образца».

¹ Известно, что племянник Юньли — Хунли, правивший под девизом Цяньлун, после восшествия на престол инициировал создание серии предметов вооружения и снаряжения, выполненных в ойратском, монгольском, солонском и «мусульманском» стиле. В том числе стрел, ружей, седел и др.

² С середины 30-х гг. XVII в. до первой половины 20-х гг. XVIII в. ойраты (хошуты, а в отдельные периоды — и джунгары) являлись одной из основных доминирующих сил в Тибете. Не удивительно, что ойратские военно-культурные традиции оказали заметное влияние на вооружение и снаряжение тибетцев рассматриваемого периода. Помимо прочего, ойратское влияние проявилось и в оформлении тибетского саадачного набора [Бобров, Худяков, 2006; Бобров, Балюнов 2023: 796–807].

³ В 1805 г. оно было «с почтением поднесено» императору Цзяцину [Armaments... 2008: 82].

⁴ Однако в отличие от седел рассматриваемой серии, их передняя лука снабжена не тремя, а лишь двумя выпуклыми узорчатыми арками (рис. 4, 3, 5, 6).

Рис. 4. Седло на портрете Юньли и его центральноазиатские аналоги: 1 — изображение седла; 2 — седло «ойратского образца», поднесенное Цяньлуну в 1743 г., собрание музеев Гугун, Пекин; 3, 6 — седло из Тибета, XVI–XVII вв., Метрополитен-музей; 4 — седло, поднесенное Цяньлуну от тибетского Панчен-ламы в 1780 г. собрание музеев Гугун, Пекин; 5 — седло из Тибета, XVIII–XIX вв., Метрополитен-музей .
 [Fig. 4. The saddle from the portrait of Yunli and its analogues from Central Asia: 1 — the quiver saddle; 2 — the saddle of “Oirat type”, presented to the Qianlong in 1743, Gugong Museum, Beijing; 3, 6 — the saddle from Tibet, 16th – 17th centuries, The Metropolitan Museum of Art ; 4 — the saddle presented to the Qianlong on behalf of Tibetan Panchen-lama in 1780, Gugong Museum, Beijing; 5 — the saddle from Tibet, 18th–19th centuries, The Metropolitan Museum of Art]

Двойной чепрак оформлен по периметру широкой полосой, украшенной популярным среди ойратов и тибетцев меандрообразным орнаментом, известным у китайцев под названием *лэйвэнь*. В отличие от большинства цинских аналогов нижние задние углы чепрака у Юньли не вырезаны, зато его нижний край оформлен волосистой бахромой, также как на некоторых синхронных центральноазиатских чепраках.

6. Заключение

Комплексный анализ источников показал, что *хэшо Го-цинъван* Юньли на портрете сочетает цинскую одежду с деталями снаряжения центральноазиатского (ойратского и тибетского) образца. К числу таких предметов можно отнести колчан, седло и, возможно, некоторые другие элементы конского убранства. Изображения указанных предметов весьма точно передают конструктивные особенности колчанов и седел «ойратского типа», дошедших до нашего времени и хранящихся в отечественных и зарубежных собраниях. Таким образом, данная работа Джузеппе Кастильоне является важным источником не только по маньчжурской (и, шире, цинской), но и по центральноазиатской материальной культуре первой половины XVIII в.

В связи с тем, что рассматриваемый портрет надежно датирован (1735 г.), он может привлекаться для атрибуции и датировки соответствующих элементов саадачного набора и конского снаряжения ойратов и тибетцев, происходящих из числа случайных находок, а также из музейных и частных собраний.

Есть основания полагать, что дальнейшее изучение цинской иконографии существенно расширит имеющуюся базу изобразительных источников по вооружению, снаряжению, костюму, военной символике и военному делу монголо- и тюркоязычных народов Центральной Азии, а также сыграет важную роль в деле изучения материально-культурного наследия ойратов и их соседей второй половины XVII – XVIII вв.

Сокращения

МИМ (ММА) — Метрополитен-музей, The Metropolitan Museum of Art (г. Нью-Йорк, США).

НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей.

ТИАМЗ — Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

ЦШГ — Цин ши гао.

Литература

- Бобров 2013 — *Бобров Л. А.* Копейный «отрез» — оригинальный конструктивный элемент длиннодревкового оружия народов Великой степи и сопредельных территорий позднего Средневековья и раннего Нового времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. № 3: Археология и этнография. С. 183–195.
- Бобров, Балуюнов 2022 — *Бобров Л. А., Балуюнов И. В.* «Большой» ойратский сфероцилиндрический шлем из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Теория и практика археологических исследований. 2022. № 1. С. 226–249.
- Бобров, Балуюнов, 2023 — *Бобров Л. А., Балуюнов И. В.* Колчан XVII – середины XVIII вв. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 4. С. 786–810. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810
- Бобров и др. 2022 — *Бобров Л. А., Кабульдинов З. Е., Агатай У. М.* Ойратские сферо-

- цилиндрический шлем и подшлемник из собрания Центрального Государственного музея Республики Казахстан // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. № 4. С. 91–98. DOI: 10.17746/1563-0102.2022.50.4.091-098
- Бобров, Ожередов 2013 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Панцирь-«калantarь» из Центральной Азии (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Культуры и народы Северной и Центральной Азии в контексте междисциплинарного изучения. Вып. 3. Томск: Томск. гос. ун-т, 2013. С. 42–63.
- Бобров, Ожередов 2021 — *Бобров Л. А., Ожередов Ю. И.* Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.
- Бобров, Пастухов 2021a — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» как источник по вооружению и военной символике населения Центральной Азии середины XVIII в. // Былые годы. 2021. Т. 16. № 2. С. 506–526. DOI: 10.13187/bg.2021.2.506
- Бобров, Пастухов 2021б — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Вооружение и знамена ойратов Джунгарии середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 770–796. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796
- Бобров, Пастухов 2021в — *Бобров Л. А., Пастухов А. М.* Вооружение и знамена мусульманского населения Восточного Туркестана и сопредельных территорий середины XVIII в. по материалам «Циньдин Хуаньюй Сией тучжи» // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 2. С. 186–221. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-186-221
- Бобров и др. 2023 — *Бобров Л. А., Пилипенко С. А., Мартюшов Р. А.* Позднесредневековый центральноазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея // Universum Humanitarium. 2023. № 1. С. 12–32.
- Бобров, Худяков 2006 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. № 3. С. 188–234.
- Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак-т филолог. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.
- Успенский 2011 — *Успенский В.Л.* Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: [б. и.], 2011. 368 с.
- Чжао Эрсюнь 1927 — *Чжао Эрсюнь.* Цин ши гао (Черновая история империи Цин). Пекин, 1927. URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B8%85%E5%8F%B2%E7%A8%BF> (дата обращения: 15.05.2024). (на кит. яз.).
- Armaments 2008 — Gugong Bowuyuan Cang Wenwu Zhenpin, Quanji 56: Qing gong wu bei = Armaments and Military Provisions // The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum, Beijing 56: Beijing: Commercial Press, 2008. 264 p.

References

- Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008. 264 p. (In Eng.)
- Bobrov L. A. Spear cut — Structural Element of Long Pole Weapons of the Nations of the Great Steppe and Neighboring Territories dated to the Late Middle Ages and Early Modern age. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2013. Vol. 12. No. 3: *Archaeology and Ethnography*. Pp. 183–195. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Balyunov I. V. “Big” Oirat Spherocylindrical Helmet in Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve Depositary. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij*. 2022. No. 1. Pp. 226–249. (In Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2022)34(1).-13
- Bobrov L. A., Balyunov I. V. Quiver of 17th – mid 18th Centuries from the Collection of To-

- bolsk Historical-Architectural Museum-Preserve. *Oriental Studies*. 2023. Vol. 16. No. 4. Pp. 786–810 (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810
- Bobrov L. A., Kabuldinov Z. E., Agatay O. M. An Oirat Sphero-Cylindrical Helmet and Arming Cap from the Central State Museum Collection of the Republic of Kazakhstan. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. 2022. No. 4. Pp. 91–98. (In Russ.) DOI: 10.17746/1563-0110.2022.50.4.091-098
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Mongolian Influence on the Military Affairs of the Tibetans in the late Middle Ages and the beginning of the New Age (13th-18th Centuries). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2006. No. 3. Pp. 188–234. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (15th – first half of the 18th Century A. D.). St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2008. 770 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Armor of the Warrior Jamsaran: Central Asian ‘Kuyak’ Armor from the Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2021. 228 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Ozheredov Yu. I. Museum of Siberian Archaeology and Ethnography, Tomsk State University: Kalantar armor from Central Asia. In: *Cultures and Peoples of North and Central Asia in Interdisciplinary Research Contexts*. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University, 2013. Pp. 42–63. (In Russ.)
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. “Qinding Huangyu Xiyu tuzhi” as a Source of the Information of Weapons and Military Symbols for the Population of Central Asia in the middle of the 18th Century. *Bylye Gody*. 2021. No. 16 (2). Pp. 506–526 (In Russ.) DOI: 10.13187/bg.2021.2.506
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Armament and Banners of the Oirats of Dzungaria in the middle of the 18th Century based on the Materials of “Qingding Huangyu Siyu tuzhi”. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 770–796. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-770-796
- Bobrov L. A., Pastukhov A. M. Armament and Banners of the Muslim Population of East Turkestan and Adjacent Territories of the middle of the 18th Century based on the Materials of “Qingding Huangyu Siyu tuzhi”. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13. No. 2. Pp. 186–221. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-2-186-221
- Bobrov L. A., Pilipenko S. A., Martyushov R. A. Late Medieval Central Asian Quiver from the Collection of the Novokuznetsk Museum of Local Lore. *Universum Humanitarium*. 2023. No. 1. Pp. 12–32. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Tibetan Buddhism in Beijing. St. Petersburg, 2011. 368 p. (In Russ.)
- Zhao Erxun. Qing shi Gao (Rough History of the Qing Empire). Beijing, 1927. (In Chin.)